

Б. Л. ФОНКИЧ

ДИПЛОМАТИКА И ПАЛЕОГРАФИЯ

Сергею Михайловичу Кауштанову

Ι. Ο υποψηφίου «σινωδαλίου χρισουλά» № 15 (Α) Греческого института в Венеции

В «Древнем архиве» Греческого института византийских и поствизантийских исследований в Венеции находятся два сигиллия 1651 г. константинопольского патриарха Иоанникия ΙΙ, подтверждающие привилегии филладельфийского митрополита Афанасия Веллериваноса (1635—1656).

Первый сигиллий (В = № 16) датирован июнем 4 индикта (1651 г.); он является решением синода и только что вторично занявшего патриарший престол Иоанникия ΙΙ, которые «обновляют» и утверждают грамоту 1644 г., полученную митрополитом Афанасием от вселенского патриарха Парфения Ι.¹ Второй документ (Α = № 15) также представляет собой синодальный «хрисовул», подписанный Иоанникием ΙΙ, по-видимому, вскоре после издания первой грамоты и — по сравнению с ней — еще более расширяющий привилегии филладельфийского митрополита.²

¹ См.: Μανούσακας Μ. Ι. Ἀνέκδοτα πατριαρχικά γράμματα (1547—1806) πρὸς τοὺς ἐν Βενετίᾳ μητροπολίτας Φιλαδελφείας καὶ τὴν Ἀρθόδοξον Ἑλληνικὴν Ἀδελφότητα Βενετίας, 1968. Σ. 63—69.

² Μανούσακας Μ. Ι. Τὸ πλαστό σινωδικὸ χρυσόβουλλο (1651) τοῦ οἰκουμ. πατριάρχου Ἰωαννικίου Β' γὰ τὰ προνόμια τοῦ Ἀθαν. Βελλερивανοῦ, μητροπολίτη Φιλαδελφείας στὴ Βενετία // Εὐφρόσυνον. Ἀφιέρωμα στὸν Μανόλη Χατζηδάκη. Ἀθήνα, 1991. Σ. 331—344, εἰς 18'—Κ', 164—169.

Ποдробнее опиcание этого документа (как подложного) см. также: Τσελίκας Ἀ. Κατάλογος τῶν πατριαρχικῶν γραμμάτων (1546—1806) τοῦ Ἑλληνικοῦ Ἰνστιτούτου Βενετίας μετὰ συμπληρώσεων καὶ διορθώσεων τῆς ἐκδόσεως Ι Βελοῦδου // Θεσαυρισματα, 10, 1973. Σ. 223—225.

Издание «хрисовула» Α (как подложного документа) см.: Βελοῦδης Ι. Χρυσόβουλλα καὶ γράμματα τῶν οἰκουμ. πατριαρχῶν ἀνήκοντα εἰς τοὺς Φιλαδελφείας μητροπολίτας ὑπερτίμους καὶ ἐξάρχους πατριαρχικοὺς καὶ προέδρους πνευματικοὺς τῆς Ἑνετίᾳ τῶν Ἀρθόδοξων Κοινότητος Βενετίας, 1873. Σ. 36—42; Βενετία, 1893. Σ. 45—52.

Грамотой В подтверждается состоявшееся еще при патриархе Парфении Старом (7.06.1639—8.09.1644) назначение филладельфийского митрополита патриаршим экзархом и связанное с этим право ношения при богослужении митры и саккоса; кроме того, Афанасию Веллеррианосу и его преемникам дается привилегия хиротонии диаконов и иереев на Керкире и архиепископа Кефаллинии и Закриффа.

В грамоте А к этому сделаны следующие дополнения: 1) филладельфийский митрополит предоставляет архиепископу Кефаллинии право хиротонии епископа Кифиры, дабы последний, находясь в подчинении у митрополита Монемавасии, не был вынужден рукополагаться на турецкой территории; 2) имя филладельфийского митрополита должно поминаться на литургии архиепископом Кефаллинии, епископом Кифиры, священниками Керкиры и остальными клириками на территории, находящейся под управлением Венеции; 3) избираемые Греческой общиной Венеции филладельфийские митрополиты должны затем являться в Константинополь и там рукополагаться вселенским патриархом.

Значительное расширение привилегий Афанасия Веллеррианоса, произведенное тем же патриархом и его окружением на протяжении менее двух месяцев с момента составления грамоты В, а также некоторые особенности оформления грамоты А и отклонения почерковедческого характера в подписях членов синода в этом документе заставили М. И. Мануссакаса, выдающегося греческого филолога, исследователя и издателя грамот Греческого института в Венеции, усомниться в подлинности второго «хрисовула». В свое время, публикуя патриаршие грамоты венецианской Греческой общины, он не включил интересующий нас здесь документ в свою книгу, пообещав посвятить ему специальную работу.³ Спустя 20 лет после этого М. И. Мануссакас опубликовал большое исследование «хрисовула» А, где подробно изложил свои соображения относительно подложности грамоты.⁴ Они сводятся к следующему.

1. Текст документа А писан писцом, почерк которого отличен от почерка В и некоторых других грамот Иоаннисия II. Этот писец остается пока неизвестным.

2. Важнейшим показателем подложности А является то, что в *intitulatio* этой грамоты имя и титул константинопольского патриарха писаны не минускулом самого текста документа, как это обычно в подлинных патриарших грамотах, а унциалом чернилами с золотом. Использование унциала в *intitulatio* не встречается в подлинных патриарших документах.

3. Начинаящий текст документа А артикль *Oi* писан не обычными чернилами, а золотом, причем эти две буквы помещены в исполненный синей краской с золотой обводкой прямоугольник, для которого (как это ясно из расположения трех первых строк текста) специально было оставлено соответствующее место. В подлинных патриарших грамотах такие инициалы чрезвычайно редки и встречаются, как правило, в более позднее время.

³ См.: *Μανουσάκας Μ. Ι. Ἡ ἀπόστολος πατριαρχική χρισόβουλα*. Σ. 67.

⁴ См. выше, примеч. 2.

4. На подделку указывают определенные отличия в подписях патриарха и членов синода в А по сравнению с несомненно подлинными документами. Из 15 подписей митрополитов, имеющих в В, грамота А сохранила 12, хотя из трех оставшихся «в стороне» митрополитов по крайней мере двое действовали еще в 1653 г.

Исследователь считает, что фальсификатор решил расположить подписи на нижней части листа в определенном порядке, в виде двух полных строк, состоящих из пяти подписей, и одной строки из двух подписей по краям. В подлинных синодальных грамотах, напротив, такой порядок всегда отсутствует.

И в подписи патриарха в грамоте А М. И. Мануссакас находит хотя и небольшие, но все же заметные отличия по сравнению с подписями Иоаннкия II в его подлинных документах. В этой части «хрисовула» А оригиналом для фальсификатора является, несомненно, грамота В.

5. Текст документа А заключен в охватывающую его с трех сторон богато орнаментированную рамку, в верхнем поясе которой находятся изображения Богоматери с Младенцем (в центре), покровителя Венеции св. Марка (слева) и патрона венецианской Греческой церкви св. Георгия (справа). Такого рода украшения греческих грамот почти не встречаются, тогда как они достаточно часты в венецианской официальной документации. Нет сомнений, что такой документ не мог появиться в Константинополе, но был создан скорее всего в Венеции.⁵

Суммируя свои наблюдения над палеографическими и дипломатическими особенностями «хрисовула» А, М. И. Мануссакас приходит к заключению о том, что он был фальсифицирован Афанасием Веллерianosом с целью расширения своих привилегий вскоре после получения от константинопольского патриарха Иоаннкия II «хрисовула» В. В отличие от последнего документа, вышедшего из канцелярии патриаршей канцелярии, «хрисовул» А был изготовлен в Венеции и иллинизован одним из выдающихся греческих художников, живших там в то время, — либо Филофесом Скуфосом, либо (что представляется более убедительным) Феодором Пулакисом.⁶

Несмотря на скрупулезность исследования, тщательность подбора аргументов в пользу своих положений, корректность целого ряда заключений, основной вывод М. И. Мануссакаса о подлинности «хрисовула» А не является, на наш взгляд, верным. Принять в данном случае правильное решение при оценке подлинности «хрисовула» А помогает палеография.

М. И. Мануссакас обращает внимание на то обстоятельство, что текст грамоты А писан письмом, почерк которого отличается от почерков трех других грамот Иоаннкия II (их подлинность не может вызывать никаких сомнений) — «хрисовула» В (1651 г.), синодального сигиллия 1651 г. в пользу Метеорского монастыря Спасителя (Paris. Suppl. gr. 1281, № 3) и грамоты 1655 г. Афанасию Веллерianosу, рекомендующей отправляющегося в Рим юного Александра Маврокордато (Греческий институт в Венеции, № 22): «хри-

⁵ Μανουσάκας Μ. Ι. Τό κλασικό συνοδικό χρισόβουλλο. Σ 335—337.

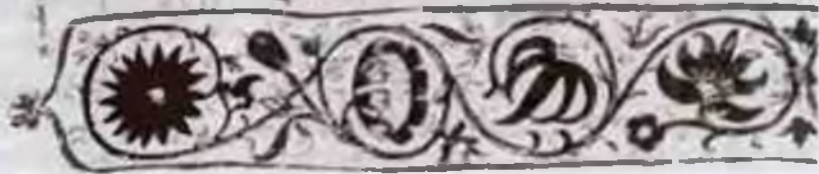
⁶ Ibid. Σ 338—343.

«Синодальный хрисовул» - А. Верхняя часть.

[Faint, handwritten text in a cursive script, likely a manuscript or a collection of letters. The text is mostly illegible due to fading and the angle of the page.]

«Синодальный хрисовул» А. Николае часть.

...

РГАДА. Ф. 52. Оп. 2. № 497. Грамота Иоаннхки II царю Алексею Михайловичу от октября 1653 г.

совула» В и документ № 22 писаны одной рукой,⁷ Метеорская грамота — другим писцом,⁸ тогда как текст «хрисовула» А вышел из-под пера каллиграфа, почерк которого отличается от указанных писцов и нам до сих пор неизвестен.⁹

Это наблюдение, верное само по себе, ничего не доказывает. Иоанникий II занимал престол вселенского патриарха четыре раза (16.11.1646—27.10.1648; начало июня 1651—9.06.1652; начало апреля 1653—до 6.03.1654; март 1655—3.07.1656); за это время из патриаршей канцелярии вышло множество документов,¹⁰ текст которых был писан самыми разными писцами. Если бы сравнение писца «хрисовула» А было проведено со всеми этими почерками или их подавляющим большинством, а не с тремя лишь грамотами, и интересующий нас почерк все же отсутствовал, аргумент исследователя мог бы приобрести необходимую силу.

Материалы, имеющиеся в нашем распоряжении (греческие документы различных фондов РГАДА), свидетельствуют о том, что писец «хрисовула» А являлся одним из важнейших писцов константинопольских патриархов Иоанникия II, Паисия I (начало июля 1652—начало апреля 1653; середина марта 1654—конец марта 1655) и Дионисия III Вардалюса (12/22.07.1662—21.10.1665) — его рукой писан текст следующих грамот: РГАДА. Ф. 52. Оп. 2, № 283, 451, 455, 460, 463, 466, 471, 488, 497; Ф. 135. Отд. III. Рубр. 1. № 7, 8; Ф. 27. № 140. Ч. V. Л. 317, 327—330 об.; Ч. VI. Л. 253. Перечисленные документы являются в основном посланиями указанных патриархов 40—60-х годов XVII в. в Москву. Кроме того, этой же рукой писана грамота александрийского патриарха Митрофана Кривогулоса царю Михаилу Федоровичу от 3 октября 1638 г. (РГАДА. Ф. 52. Оп. 2. № 152). Палеографическое исследование данных материалов приводит к определению интересующего нас писца: это — Иоанн Карнофилисс.¹¹

Итак, если «хрисовула» В писан рукой логофета Великой церкви Николая, писавшего патриаршие грамоты вплоть до конца 60-х годов,¹² то «хрисовула» А писан его сподвижником по многолетней

⁷ Это, как мы теперь знаем (см.: Фомкин Б. Л. Греческо-русские связи середины XVI—начала XVIII вв.: Греческие документы московских храмов. Каталог выставки. М., 1991. С. 21; Международная конференция «Крит, Восточное Средиземноморье и Россия в XVII в.»: Греческие документы и рукописи, иконы и памятники прикладного искусства московских соборов. Каталог выставки. М., 1995. С. 57, № 35), — ученик Феофила Коридалеуса, писец многих грамот Кирилла Лукариса, в 1653 г. — логофет Великой церкви Николай.

⁸ М. Н. Мануссакис (τὸ κλαστὸ συνολικὸ χρισόβουλλο, Σ. 335) ошибочно отождествляет писца Метеорской грамоты с писцом «хрисовула» В.

⁹ Ibid. Σ. 335.

¹⁰ См.: Ταριβάκης Ν. В. Ἰωαννίκιου Β' οἰκουμενικοῦ πατριάρχου τοῦ ἀπὸ Πρακλείας γράμματα, ἐπιστολαί, ἐῤῥα, ὑπομνήματα καὶ ἄλλα ἐκ' αὐτοῦ ὑπογραφήντα ἔγγραφα (1624—1657) // ΕΒΕΒ. Τ. ΜΒ'. 1975—1976. Σ. 57—84.

¹¹ См.: Фомкин Б. Л. Автографы Иоанна Карнофилисса // Фомкин Б. Л. Греческие рукописи европейских собраний. Палеографические и кодикологические исследования 1988—1998 гг. М., 1998. С. 132—136.

¹² Самый поздний известный нам его автограф — грамота константинопольского патриарха Мефодия от мая 1668 г. (ГТМ, № 523); см.: Фомкин Б. Л., Поляков Ф. Б. Греческие рукописи Московской Синодальной библиотеки. Палеографические, кодикологические и библиографические дополнения к каталогу архимандрита Владимира (Филантропова). М., 1993. С. 163.

службе в Константинопольской патриархии Иоанном Карнофиллисом, человеком, игравшим выдающуюся роль в истории Балкан на протяжении 30—90-х годов XVII столетия.

Сделанное наблюдение неизбежно ведет к заключению о написании текста «хрисовула» А не в Венеции, а в Константинополе: Иоанн Карнофиллис, насколько мы знаем его биографию, в 50-е годы в Италии не бывал и, следовательно, не мог там написать для Афанасия Веллерьяноса какой бы то ни было документ.

Вывод об изготовлении «хрисовула» А в Константинополе подтверждается анализом подписей под текстом грамоты. Сравнивая их с подписями «хрисовула» В, М. И. Мануссакас отмечает, что и подпись Иоанникия II, и подписи некоторых членов синода имеют отличия от несомненно подлинных подписей предыдущего документа, что подтверждает положение автора о подделке «хрисовула» А.¹³ Наш анализ подписей ведет к совсем другим выводам.

Здесь необходимо заметить следующее — и это очень важно при изучении такого материала, каким являются подписи под греческими документами XVI—XVII вв. Архидиаконы или патриаршие чиновники (но особенно — первые), которым приходилось часто ставить свои подписи под официальными документами, могли иметь в своем «арсенале» более одного варианта подписи, время от времени несколько разнообразя ее; но даже и не прибегая к другому варианту, а расписываясь как обычно, такие люди могли допускать некоторые изменения отдельных элементов или частей подписи в зависимости от самых разных обстоятельств. При изучении подписей едва ли правильно искать совпадения решительно всех элементов — скорее, надежнее, опираясь на знание почерка того или иного деятеля, обычной формы его подписи, попытаться «увидеть» его руку за возможными сознательными отклонениями, допущенными в подписи.

Опираясь на это положение, мы должны сделать заключение, что подпись патриарха в «хрисовуле» А действительно имеет незначительные (отмеченные М. И. Мануссакасом) отличия от его подписи в «хрисовуле» В, но они — не отличия подделки и подписчика (ибо совершенно ясно, что и там и тут — почерк одного человека), а объясняются разницей в расположении подписи в одну или две строки.¹⁴ Кроме того, сравнение документов А и В показывает, что в А подписи ὁ Νικόμηδείας Κύριλλος, ὁ Ἀδριανουπόλεως Νεόφυτος, ὁ Διδυμοτείχου Ἰάκωβος, ὁ Φιλίππουπόλεως Γεωργίου поставлены, несомненно, теми же лицами, что и в В. Если это так, то признание подлинными подписей патриарха Иоанникия II и, по крайней мере, четырех членов синода с необходимостью заставляют сделать вывод о подлинности «хрисовула» А. Что же до разницы в подписях других членов синода, то за этим нельзя усматривать подделки: изучение позднегреческих грамот показывает, что подписывание официальных документов за того или иного отсутствовавшего в определенный момент члена синода явля-

¹³ Μανουσάκας Μ. Ι. Τὸ κλασικὸ συνδικὸ χρυσόβουλλο... Σ. 336.

¹⁴ Для сравнения мы публикуем здесь еще раз (см.: Крит, Восточное Средиземноморье и Россия в XVII в... С. 79) грамоту константинопольского патриарха Иоанникия II царю Алексею Михайловичу от октября 1653 г. — ее текст писан Иоанном Карнофиллисом, а подпись патриарха занимает две строки.

лось достаточно обычной практикой, во всяком случае константинопольской патриаршей канцелярии — без какого-либо ущерба подлинности «издаваемого» документа.¹⁵

Приведенные нами соображения в доказательство подлинности «хрисовула» А не отменяют необходимости объяснения тех серьезных отличий этого документа от обычных исходящих из Константинопольского патриархата грамот такого рода, которые выявлены и тщательно описаны М. И. Мануссакасом. Как примирить константинопольское происхождение документа (писец текста, подлинные подписи патриарха и ряда членов синода; сюда нужно добавить несомненно подлинную печать на шелковом шнуре Иоанникия II) с его венецианским обликом? Свет на решение этой загадки проливает изучение нижней части «хрисовула» А.

Расположение патриаршей подписи и подписей архиереев по отношению к живописной рамке, охватывающей текст грамоты с трех сторон, говорит о том, что первоначальным элементом «хрисовула» была, несомненно, эта рамка: она появилась на листе пергамента до того, как на нем был написан текст и поставлены подписи. Именно рамкой и определяется то пространство, где должны были быть расположены подписи. Ясно видно, что патриарх в первой строке своей подписи, считаясь с имеющимся в его распоряжении пространством, вынужден сжимать окончание слова *οἰκοδεστικός* и, естественно, переносить последнее слово *πατριάρχης* на вторую строку, а члены синода, учитывая площадь, оставшегося в их распоряжении места и явно экономя его, размещают свои подписи несколько необычным образом (как это совершенно справедливо отметил М. И. Мануссакас) — в два ряда по пять подписей и по одной подписи совсем внизу, слева и справа, вместо того, чтобы располагать их более свободно, не в столь строгом порядке.

Наше понимание порядка изготовления «хрисовула» А (сначала — изображение живописной рамки на чистом листе пергамента, затем написание на ограниченном ею поле текста и подписей, прикрепление печати на шнуре) приводит к следующей гипотезе относительно истории создания этого документа.

Известно, что флорентинский митрополит Афанасий Веллерianos в 1644—1645 гг. посетил Кефаллинию, Закифарос, Кифиру и, наконец, Крит; здесь он вынужден был из-за начавшейся турецко-венецианской войны за этот остров задержаться на три года. На Крите Афанасий узнает о кончине епископа Кифиры Софрония Папгалоса (1645 г.) и архиепископа Кефаллинии и Закифа Николдима Метаксаса (+ 29.3.1646 г.), а затем и его преемника Тимофея Сопрамасароса. Получив возможность вернуться в Венецию (он прибыл туда летом или осенью 1648 г.), он на обратном пути рукоположил на Кефаллинии нового архиепископа Макария Панаса, избранного 28 сентября 1647 г. Видя на протяжении своего долгого путешествия те трудности, с ка-

¹⁵ См., например, два важнейших документа такого рода — грамоту 1560 г. об утверждении царского титула Ивана IV и грамоту 1590 г. об основании Московского патриархата: Волкич Б. И. Греческие грамоты советских хранилищ // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С. 242—260.

кими нередко встречались в военное время православные священники и архiereи подчиненных Венеции областей, вынужденные вступать на захваченные турками территории по пути к центру «своей» митрополии для рукоположения. Афанасий Веллерьянос приходит к выводу, что лучшим выходом из создавшегося положения была бы хиротония от митрополита филиладельфийского, кафедра которого находится в Венеции. — Если, разумеется, ему была бы предоставлена Константинопольским патриархатом такая привилегия. Получив одобрение своих планов у венецианских властей, Афанасий обращается к константинопольскому патриарху Иоанникийю. Последний, по-видимому, был полностью согласен с предложением филиладельфийского митрополита; вынужденный, однако, оставить свой трон 27 октября 1648 г., он не смог дать на него официального ответа. Придя снова к управлению Вселенской патриархией в июне 1651 г., Иоанникий II сразу же составил соответствующую синодальную грамоту («хрисовул» В) и отправил ее в Венецию.¹⁶

Можно предполагать, что Афанасий Веллерьянос не ждал пассивно ответа из Константинополя, но писал туда, быть может, не раз, излагая свои мысли относительно положения церкви в Восточном Средиземноморье во время Критской войны и предлагая различные проекты облегчения ситуации. По-видимому, не получив еще синодального сигнала от июня 1651 г. и, следовательно, не зная реакции патриархии на свои предложения, он задумал «подтолкнуть» вселенского патриарха на положительное решение в свою пользу: по его поручению заготовили соответствующий лист пергамента, который одним из лучших живописцев венецианской Греческой общины — Филофеем Скуфосом или Феодором Пулакисом — был украшен тремя медальонами с изображением Богоматери Знамение, св. Марка и св. Георгия, а также роскошной орнаментальной рамкой из цветов, листьев и плодов — она должна была обрамлять текст документа с предполагавшимися столь важными для филиладельфийского митрополита привилегиями.

Пока этот лист находился на пути в Константинополь, в Венеции был получен «хрисовул» В. Зарегистрированный венецианскими властями 23 января 1653 г., он явился своего рода ответом (хотя и частичным) на предложения Афанасия Веллерьяноса. Но вскоре после составления в патриархии «хрисовула» В туда был доставлен украшенный богатым орнаментом пергаменный лист, в сопровождении, нужно думать, соответствующего послания филиладельфийского митрополита. Его предложения, несомненно, вновь нашли поддержку в синоде, незадолго до этого внимательно изучавшем данный вопрос. Поэтому и был составлен новый документ, «хрисовул» А, еще более расширивший привилегии главы Греческой общины в Венеции. Текст этой грамоты был писан рукой Иоанна Карнофилтиса, из-под пера которого в 50—60-е годы XVII в. вышло немало важнейших документов Константинопольского патриархата.¹⁷

¹⁶ Подробно см.: *Μανούσσης Μ. Ι. Τὸ κλασικὸ συνοδικὸ χρισόβουλλο. Σ. 338—340.*

¹⁷ См. нашу работу, указанную в примеч. 11.

Интересно отметить, что при создании данного «хрисовула» Иоанн Карнофилитис несколько отошел от принятых правил: ради соответствия *intitulatio* и инициала богатому убранству документа он не стал писать имя патриарха и его полный титул своим обычным почерком, а большой инициал — рисовать чернилами, как он обычно весьма искусно делал это в патриарших грамотах, — он оставил свободное место, куда уже в Венеции, несомненно, тот же художник, которому обязана своим появлением илюминация «хрисовула» (достаточно обратить внимание на ту же краску инициала, что и в медальонах верхнего пояса рамки, а также на «западный» облик инициала, совсем несвойственный константинопольским документам), вписал маюскулом золотыми чернилами *intitulatio*, а слева от первых трех строк текста — две начальные золотые буквы в синей с золотом рамке.

Нельзя, наконец, не обратить внимание и на следы от сгибов на пергаменном листе «хрисовула» А — два вертикальных и три горизонтальных: именно так в XVII в. складывались при пересылке большие листы патриарших грамот.¹⁸

Такова, по нашим представлениям, история создания этого замечательного своим содержанием и внешними особенностями *подлинного* синодального акта № 15 Греческого института в Венеции.

II. О грамоте константинопольского патриарха Парфения I Людovicу XIV в составе cod. Paris. Suppl. gr. 582

Благодаря трудам Э. Леграна, А. Омона, К. Королевского, Л. Пти, а в последние десятилетия — прежде всего М. И. Мануссакаса мы теперь хорошо представляем себе фигуру Афанасия Ритора (1571—1663), его место в истории греческой церкви в середине XVII в., его вклад в обогащение французских рукописных коллекций греческими рукописями, наконец, его роль в отношениях французского правительства и Вселенского патриархата в 1640—1650-е годы.¹⁹ В свое время М. И. Мануссакас, изучавший греческую палеографию и комплекс византиноведческих дисциплин под руководством корифеев эллинистики XX столетия А. Дэйта и П. Лемерля, обратил внимание на греческие документы XVII в., хранящиеся в Национальной библиотеке в Париже. Одним из результатов его работы над этими материалами явилась опубликованная им в 1949 г. статья 'Ανάκδοτα πατριαρχικά έγγραφα κερὶ Ἀθανασίου τοῦ Ῥήτορος,²⁰ где анализировались документы, составляющие сборник Paris. Suppl. gr. 582, «Досье Афанасия Ритора»; шесть из девяти входящих в состав рукописи документов здесь были впервые изданы.

¹⁸ Эти следы сложения листа описывает А. Целликас: Τοτελικὰς Ἄ Κατάλογος, Σ. 223.

¹⁹ Библиографию работ, посвященных Афанасию Ритору, см. в статье: Μανουσάκας Μ. Ἡ Γράμμα τοῦ πατριάρχου Παρθενίου Α' εἰς τὴν βασιλίαν τῆς Γαλλίας Λουδοβίκου ΙΔ'. Ἐκίλευση χρονολογικῶν καὶ ἄλλων προβλημάτων // Ὁ Ἑρανιστής, 1993, τ. 19, Σ. 27—35.

²⁰ Ἐκτετρὶς τοῦ Μεσαιωνικοῦ Ἀρχείου, 2 (1940), 1949, Σ. 134—151.

Уже в этом первом из своих исследований об Афанасии Риторе М. И. Мануссакас уделит особое место обсуждению датировки грамоты константинопольского патриарха Парфения I, содержащей ответ королю Людовику XIV на предложения о соединении католической и православной церквей: автор доказывал тогда, что находящаяся в самом документе дата «12 муххрона (марта) 1643 г.» неверна и время составления ответа французскому королю должно быть отнесено к 12 марта следующего, 1644 года.²¹ Спустя много лет М. И. Мануссакас посвятил этому важному документу специальную работу, в которой подробно остановился на всех особенностях грамоты, значительно уточнив и детализировав свои прежние аргументы.²² Приведем в нашем изложении содержание этого замечательного исследования.

6 октября 1642 г. Афанасий Ритор отправился из Парижа в Константинополь. Основной задачей его поездки на Христианский Восток было приобретение греческих рукописей для канцлера П. Сегье и кардинала Мазарини. Помимо этого, он имел поручение передать константинопольскому патриарху Парфевио Старому (7 июля 1639 г.—8 сентября 1644 г.) предложение французского короля Людовика XIII о соединении церквей. Это предложение должно было быть сделано в устной форме. Афанасий прибыл в Константинополь в конце июля или начале августа 1643 г., спустя почти три месяца после кончины Людовика XIII (+ 14 мая 1643 г.).

12 марта 1644 г., после, по-видимому, серьезного обсуждения со своими соратниками предложения могущественнейшего католического правителя Европы, Парфений I пишет ответ, адресуя его недавно вступившему на престол Людовику XIV. Патриарх выражает свое согласие содействовать соединению католической и православной церквей, но, боясь репрессий со стороны турок, отказывается проявлять собственную инициативу и предлагает быть инициатором этого серьезного процесса французскому королю. Патриаршая грамота не отсылается сразу же в Париж, но вручается Афанасию Ритору, который и доставляет ее во Францию спустя девять лет, в 1653 г., по завершении всех своих дел на Востоке.

Грамота Парфения I входит в состав сборника (Paris. Suppl. gr. 582), образованного из официальных документов, касающихся деятельности Афанасия Ритора на протяжении многих лет — с 1612 до 1652 гг., но главным образом — во время его поездки на Христианский Восток в 1643—1653 гг. Анализируя и оценивая эти документы с точки зрения дипломатики и палеографии, М. И. Мануссакас приходит к заключению об их аутентичности. Подлинной он признает и интересующую нас здесь грамоту патриарха Парфения I, которая, по мнению исследователя, подписана самим патриархом. Как и в статье 1949 г., М. И. Мануссакас обращает внимание на неверную дату в самом документе и вновь, теперь уже опираясь на всестороннее изучение биографии Афанасия в период между 1642 и 1655 гг., делает вывод о необходимости исправления даты с 1643

²¹ Ibid. С. 140—141.

²² См. выше, примеч. 1.

на 1644 г. В заключение исследователь издает текст документа по Парижской рукописи, сравнивая его при этом с первым изданием, осуществленным в 1655 г. самим Афанасием Ритором.

В 1995 г. мы имели возможность непосредственно изучать греческие рукописи Национальной библиотеки. Располагая результатами опубликованных М. И. Мануссакасом исследований рукописи Suppl. gr. 582, мы могли шаг за шагом проследить — с подписчиком в руках — ход его рассуждений, оценить его дипломатические и палеографические наблюдения. Поскольку наши выводы отличаются от заключений выдающегося греческого ученого, мы сочли необходимым изложить их в данной работе.

Прежде всего необходимо обратить внимание на то, что рукопись Suppl. gr. 582 является специальной подборкой из девяти документов, отражающих деятельность Афанасия Ритора, — в разное время и в связи с различными обстоятельствами: восемь документов имеют к нему прямое отношение (разрешения и их подтверждение совершать литургию и произносить проповеди во всех церквях православного мира, защита от обвинений в неправославии со стороны протестантов), один (о котором и идет речь в нашей статье), хотя непосредственно не касается Афанасия, но тем не менее связан с ним как с участником переговоров французского короля с константинопольским патриархом.

Кем, когда и с какой целью был составлен этот сборник? Едва ли можно сомневаться в том, что это было сделано самим Афанасием Ритором, главным образом во время его путешествия по Востоку: на протяжении 1643—1652 гг. он получал грамоты константинопольских патриархов Парфения I, Парфения II и Иоанника II, иерусалимского патриарха Феофана и кипрского архиепископа Никифора, позволявшие ему действовать в греческой среде в течение 10 лет своей поездки, облегчавшие его продвижение по обширным территориям и существование в качестве православного священника. Правда, не совсем понятным (если принимать точку зрения М. И. Мануссакаса о том, что ответ Парфения I Людовику XIV в сборнике Афанасия — *подлинная* грамота, которую он должен был доставить французскому королю) является наличие в сборнике *частного лица* официального ответа константинопольского патриарха правителю Франции, документа, который во всяком случае по прибытии Афанасия Ритора в Париж должен был быть передан по назначению: почему эта грамота находится у греческого священника, а не в бумагах Людовика XIV? Ответ на этот вопрос позволяет найти палеографический анализ документа.

Особенности почерка ответного послания Парфения I видят руку писавшего текст писца: это — Иоанн Карнофиллис.²³ Вопреки мнению М. И. Мануссакаса, полагающего, что подпись в данной грамоте принадлежит самому патриарху, мы считаем, что она сделана той же рукой, тем же пером и теми же чернилами, которыми

²³ См.: Фонкич Б. Л. Автографы Иоанна Карнофиллиса // Фонкич Б. Л. Греческие рукописи европейских собраний: Палеографические и кодикологические исследования 1988—1998 гг. М., 1998. С. 132—136.

писан текст самого документа, т.е. является копией подлинной патриаршей подписи, сделанной Иоанном Кариофиллисом. Несомненно, таким образом, что существовал подлинный экземпляр грамоты, скопированный затем в недрах патриаршей канцелярии. Для каких нужд? Нам кажется, что в данном случае была бы вполне возможной следующая гипотеза.

Трудно представить себе, что константинопольский патриарх, отвечая на важные для жизни церкви в будущем предложения французского короля, не оформил свое послание в виде официально составленной, снабженной собственной подписью грамоты, но ограничился написанием известного нам по рукописи Suppl. gr. 582 листа, не имеющего ни подлинной патриаршей подписи, ни патриаршей печати, ни адреса на оборотной стороне и к тому же отосланного не официальным путем — с нарочным, скорой оказией или через представителя французского двора в Константинополе, а врученного Афанасию Ритору, который не предполагал да и никак не мог из-за поручений Сегье и Мазарини вернуться в Париж в недалеком будущем. Скорее нужно думать, что Парфений I отослал свой ответ Людовику XIV уже в 1644 г. Что же касается интересующего нас листа в Парижской рукописи, то это — копия уже отосланного в Париж подлинного документа, снятая по просьбе Афанасия Ритора Иоанном Кариофиллисом с находящегося в патриаршей канцелярии черновика: заказчик копии намеревался включить ее в свое «досье», где собирал нужные для своего пребывания на Востоке документы, чтобы иметь еще одно подтверждение важности своей миссии (ибо его имя упоминается в тексте ответной грамоты). Лист, написанный рукой Иоанна Кариофиллиса, предназначался для личного архива Афанасия. Именно поэтому он так и остался среди грамот, выдававшихся ему на протяжении многих лет и имеющих отношение к деятельности только этого лица, а не был по возвращении Афанасия Ритора во Францию передан самому королю. Наличие данного документа в собственных бумагах легко объясняет тот факт, что владелец досье в 1655 г. включил текст ответной грамоты Парфения I в свой труд *Αντιπατελλόρος*: едва ли можно думать, что персона столь низкого ранга могла использовать для собственных целей какие бы то ни было документы непосредственно из королевского архива.

Если наше понимание документа № 11 в Suppl. gr. 582 как копии, изготовленной в константинопольской патриаршей канцелярии для Афанасия Ритора, верно, то нетрудно представить себе, что при ее изготовлении Иоанн Кариофиллис мог допустить некоторые неточности при копировании текста с черновика: так появилась ошибка в дате грамоты, на которую справедливо указал М. И. Мануссакас.

Едва ли можно сомневаться в том, что среди документов французского двора, относящихся к связям с Христианским Востоком в 40-е годы XVII в., должна находиться подлинная грамота константинопольского патриарха Парфения I, текст которой идентичен тексту л. 11 Suppl. gr. 582. Находка этого документа — дело будущих разысканий.